

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

дело № 8-УД21-5-А1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

город Москва

20 июля 2021 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего – Земскова Е.Ю.,

судей Ситникова Ю.В., Эрдыниева Э.Б.

при секретаре Сарвилиной Е.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационной жалобе осужденного Авдеева А.В. и адвоката Озен О.С. на апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 года, в соответствии с которым отменен приговор Ярославского областного суда от 17 ноября 2020 года и одновременно

Авдеев Александр Викторович, [REDACTED]

[REDACTED], несудимый,

признан виновным и осужден по пункту «з» части 2 статьи 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, с возложением обязанностей, указанных в приговоре,

по пунктам «б», «в» части 4 статьи 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы.

На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности указанных преступлений назначено наказание в виде 19 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

На основании части 5 статьи 69 УК РФ по совокупности указанных преступлений и преступления, в совершении которого Авдеев признан виновным приговором от 28 августа 2018 года, назначено окончательно наказание в виде 21 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

С осужденного Авдеева взыскано возмещение ущерба в пользу Свято-Троицкого Данилова мужского монастыря в размере 1 000 000 рублей.

Определением судебной коллегии Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 17 июня 2021 года уточнена ссылка в апелляционном приговоре на дату приговора Красногорского городского суда – 30 августа 2018 года вместо 28 августа 2018 года.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Земскова Е.Ю., выступления осужденного Авдеева А.В. и адвоката Озен О.С., поддержавших доводы кассационных жалоб, представителя Генеральной прокуратуры РФ прокурора Щукиной Л.В., возражавшей против удовлетворения кассационных жалоб, судебная коллегия

у с т а н о в и л а:

Авдеев признан виновным и осужден за разбойное нападение на С [REDACTED] настоятеля монастыря в г.Переславль-Залесский, и его убийство.

Преступления совершены 7 июля 2016 года при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

На приговор поступили жалобы от осужденного Авдеева и адвоката Озен в его интересах.

В кассационной жалобе Авдеев, не отрицая факт умышленного причинения смерти настоятелю указанного монастыря и завладения денежными средствами, оспаривает выводы суда о совершении убийства из корыстных побуждений, квалификацию совершенного как разбойного нападения и квалифицированного убийства, настаивает, что при лишении жизни настоятеля руководствовался неприязнью к нему, а умысел на завладение денежными средствами возник уже после причинения смерти. Считает, что выводы суда не подтверждаются совокупностью доказательств, исследованных в судебном заседании. Приводит в кассационной жалобе анализ доказательств по делу, в том числе показаний свидетелей, указанных в жалобе, и высказывает несогласие с выводами суда апелляционной инстанции о фактических обстоятельствах дела и квалификацией деяния, за которое он осужден. Ссылается на то, что о хранении потерпевшим крупных денежных средств не было известно, что следует из

показаний свидетелей, и, по мнению осужденного, опровергает выводы суда о наличии у него корыстного мотива при совершении убийства. Суд не принял во внимание показания свидетелей о грубости и несдержанности С [REDACTED]. Неосведомленность свидетелей о конфликтах С [REDACTED] с проживающими в монастыре лицами не доказывает, что их не было. Не взяты во внимание его показания о конфликте с С [REDACTED], который в день отъезда отказал ему в материальной помощи, ссылаясь на отсутствие денег.

Выводы суда о его бедственном материальном положении не подтверждаются показаниями свидетелей К [REDACTED] З [REDACTED] Р [REDACTED] [REDACTED]. о наличии у него подработок (т.320 л.д.286). При этом помощь со стороны матери и сестры безосновательно приведена в приговоре как доказательство его безденежья.

Ссылки на показания свидетелей К [REDACTED] З [REDACTED] К [REDACTED] Р [REDACTED] [REDACTED] которым он заявлял о негативном отношении к РПЦ, безосновательно использованы судом в обоснование корыстного мотива.

Показания свидетелей, близко знавших его (К [REDACTED] З [REDACTED] К [REDACTED] Р [REDACTED] А [REDACTED]) подтверждают, что к 2016 года он сильно изменился физически, похудел, помрачнел, что подтверждает его нахождение в момент преступления в не совсем адекватном состоянии.

Высказывает несогласие с заключением судебно-психиатрической экспертизы об отсутствии у него психического расстройства под влиянием которого им совершены преступления.

Просит переквалифицировать его действия на ч.1 ст.105 УК РФ, п. «б» ч.4 ст.158 и ч.2 ст.139 УК РФ и смягчить назначенное наказание.

В дополнительной жалобе ссылается на нарушение его процессуальных прав в связи с тем, что вместо ознакомления с аудиозаписью судебного заседания, ему были вручены диски с аудиозаписью при отсутствии в следственном изоляторе технической возможности для их прослушивания.

Адвокат Озен О.С. в основной и дополнительных жалобах оспаривает выводы суда апелляционной инстанции о корыстном мотиве совершенных преступлений, квалификации действий Авдеева как убийства сопряженного с разбоем, считает выводы суда апелляционной инстанции ошибочными, основанными на односторонней оценке доказательств, приводит свой анализ доказательств и обосновывает позицию осужденного, которая заключается в совершении Авдеевым убийства С [REDACTED] из личной неприязни. Указывает, что в связи с конфликтом у Авдеева возникла навязчивая идея убить отца Д [REDACTED],

которая преследовала его в течение нескольких лет. Отсутствие денег у Авдеева, на что сослался суд апелляционной инстанции, не является доказательством корыстного мотива, поскольку отказ от материальных благ являлся духовным выбором осужденного. Доказательств формирования у Авдеева корыстного умысла в деле не имеется. У Авдеева отсутствовали основания считать, что в монастыре, который испытывал материальные затруднения, может находиться крупная денежная сумма. Об этом не было известно Авдееву и свидетелям, которые были допрошены по данным обстоятельствам. По мнению автора жалобы, отсутствие свидетелей конфликта между отцом Д [REDACTED] и Авдеевым не опровергает показаний Авдеева на этот счет. Авдеев действовал под влиянием разочарования в церкви и в ее священнослужителях, а также вследствие длительного регулярного употребления психоделических препаратов. Указывает на отсутствие оценки ряда доказательств, в том числе заключений экспертов по микроволокнам, следам наслоения крови, показаний свидетелей о тяжелом характере отца Д [REDACTED].

Ссылается на процессуальные нарушения, в том числе нарушение права на защиту Авдеева на предварительном следствии, поскольку при наличии психического расстройства он ознакомился с материалами дела отдельно от защитника, протоколы ознакомления с материалами дела и с заключениями экспертиз не соответствуют действительности по времени, когда происходило ознакомление. Суд не ознакомил Авдеева с аудиозаписью судебных заседаний, вместо этого вручил диски с аудиозаписями при отсутствии в следственном изоляторе технической возможности для их прослушивания.

Представляет в качестве дополнительного материала копию свидетельства о праве собственности на жилое помещение от 8.04.2006 года, просит апелляционный приговор отменить, возвратить уголовное дело прокурору для устранения нарушений.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Выводы суда о доказанности виновности осужденного в содеянном основаны на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, которые оценены в соответствии со ст.88 УПК РФ.

Все обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела из числа предусмотренных ст.73 УПК РФ, включая мотив преступления, судом установлены.

Доводы осуждённого и защитника о том, что показания свидетелей, указанные в кассационных жалобах (Л [] Р [] Н [] Т [] К [] У [] А [] З [] К [] А [] К []), которые исследованы судом и получили оценку в судебном акте, не подтверждают сделанных выводов и оценены односторонне, направлены на переоценку доказательств и выводов суда о фактических обстоятельствах дела, не свидетельствуют о наличии оснований для отмены либо изменения вступившего в законную силу судебного акта в кассационном порядке.

В соответствии с ч. 1 ст. 401¹³ УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Таких нарушений не установлено.

Вывод суда апелляционной инстанции о совершении Авдеевым преступления из корыстных побуждений основан на совокупности доказательств по делу, является правильным. При этом его версия о нападении на священнослужителя из неприязни к нему и церковной организации в целом, а также под влиянием идеи о том, что во всех его неприятностях виноват С [], возникшей у него вследствие длительного приема психотропных препаратов, получила надлежащую критическую оценку в судебном акте.

Оснований не согласиться с выводами суда Судебная коллегия не усматривает.

Суд апелляционной инстанции при анализе доводов стороны защиты в своих выводах обоснованно учел, что между Авдеевым и отцом Д [] не было конфликтов, а было лишь отсутствие взаимопонимания по вопросам планов Авдеева на будущее, по вопросам богослужения, жизни в монастыре, из которого он добровольно ушел в 2012 году, а умысел на убийство возник лишь в 2016 году, спустя значительный промежуток времени, то есть по обстоятельствам дела при отсутствии конкретного повода, в отношении лица, с которым он давно не контактировал.

Сам Авдеев, утверждая о наличии скрытого противостояния между ними, признал, что до «ругани» с игуменом никогда не доходило. Из показаний

осужденного в судебном заседании следует, что каких-либо противоправных действий в отношении него отец Д [] не совершал. Суть его претензий к С [] сводится к тому, что он оказался лицом, не соответствующим его представлениям о моральном облике священника, у них не сложились взаимоотношения, на которые он надеялся, тот не благословил его стремление стать священнослужителем, не одобрял его инициатив в улучшении жизни в монастыре, помощи пожилой женщине, проживавшей рядом с монастырем, не выказал сочувствия в связи с самоубийством брата, при отъезде из монастыря не оказал материальной помощи, посещал сайты, которые не согласуются с его саном.

Свидетели Л [] Р [] Н [] Т [] К [] У [] А [] потерпевшая Ц [] не подтвердили существование конфликтных отношений С [] с Авдеевым.

Допрошенные по делу потерпевшая Ц [] свидетели Л [], Р [] Н [] и др., знавшие С [], характеризовали его как строгого, но справедливого человека, который обоснованно требовал соблюдения дисциплины и монастырского устава от лиц, находящихся на территории монастыря. Свидетель Ш [] рассказывая о недовольстве игуменом со стороны некоторых лиц, также отметил необоснованность их претензий к нему, в частности со стороны С [], который завидовал отцу Д []; говоря о конфликтах с Т [] Ш [] сообщил, что тот курил и не калялся, организовывал выпивки. Сам свидетель Т [] рассказывая о случае, когда отец Д [] прогнал Авдеева, а через сутки разрешил ему вернуться, оценил данную ситуацию как справедливый поступок игумена, поскольку причиной его решения было употребление Авдеевым спиртного.

По показаниям свидетеля Н [] она видела, как Авдеев общался с отцом Д [], по-дружески, отец Д [] «даже как-то по-отцовски» к нему относился. О том, что между ними могут быть какие-то конфликты, «она даже не представляла», при ней такого не было. Когда Авдеев уехал, отец Д [] интересовался его будущим, его судьбой.

Показания свидетелей оценены в совокупности с показаниями самого Авдеева, из которых как указано выше не следует вывод о наличии реальных конфликтов с настоятелем. Сам Авдеев, как следует из его же показаний, а также из показаний свидетелей, никогда открыто не оспаривал действий отца

Д[REDACTED]. Поэтому соответствующий довод кассационной жалобы о том, что конфликты якобы были, но свидетели о них не знают, не опровергает выводов суда апелляционной инстанции.

Таким образом, совокупность указанных фактов не подтверждает доводы Авдеева о реальных конфликтах с потерпевшим, а, следовательно, и о том, что у него имелся весомый и актуальный на момент преступления повод для убийства потерпевшего на почве неприязни.

Показания свидетеля П[REDACTED], оглашенные по ходатайству защитника (т.21 л.д. 161-165), о характере вопросов, которые отец Д[REDACTED] затрагивал при проведении исповедей, не имеют отношения к Авдееву и его взаимоотношениям с С[REDACTED] свидетельствуют лишь о разногласиях свидетеля с погибшим по профессиональным вопросам. Свидетель фактически не назвал ни одного конкретного факта и источника своей осведомленности, а будучи допрошенным о возможных мотивах убийства, только высказал свои предположения на этот счет (т.21 л.д. 164). В связи с изложенным доводы защитника, основанные на оценке показаний данного свидетеля, не опровергают выводов суда апелляционной инстанции.

Не подтверждает доводов адвоката и свидетель М[REDACTED] показания которого оглашены по ходатайству защитника, пояснивший, что в общении отец Д[REDACTED] был вежлив, смиренен и отзывчив (т.25 л.д.90).

Какой-либо связи неприязни Авдеева к церковной организации в целом (в связи с чем защитник ссылается на показания свидетелей К[REDACTED] З[REDACTED], К[REDACTED], Р[REDACTED] А[REDACTED] с формированием умысла на убийство в отношении конкретного священнослужителя, Судебная коллегия не усматривает.

Тот факт, что Авдееву не заплатили за реставрационные работы в другом (женском) монастыре, также не имеет отношения к потерпевшему. Из показаний Авдеева следует, что трудовая деятельность в Даниловом монастыре осуществлялась на безвозмездной основе, в связи с чем это не могло быть поводом для совершения преступления.

Получила также надлежащую судебную оценку версия осужденного о том, что на фоне употребления психоактивных препаратов на протяжении нескольких лет и последовавших неудач в жизни, он стал винить в них отца

Д [REDACTED], внушил себе негативные мысли об этом человеке, что толкнуло его на лишение жизни.

В судебном заседании сам Авдеев признал, что все это выглядит бредом, но настаивал, что в момент совершения преступления он действительно так думал.

Отвергая данные доводы осужденного суд апелляционной инстанции обоснованно учел, что Авдеев, делясь в разговорах со своими знакомыми своим негативным отношением к церкви, не обвинял какое-то конкретное лицо, а по выводам экспертов, участвовавших в производстве комплексной психолого-психиатрической экспертизы, в действиях и высказываниях Авдеева не содержалось признаков расстроенного сознания, психотической симптоматики (бреда, галлюцинаций и др.), во время совершения преступлений действия Авдеева носили последовательный, целенаправленный характер, он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, не находился в состоянии аффекта, или ином экспертно-значимом эмоциональном состоянии, которое могло нарушить его сознание регуляции собственной деятельности (т.16 л.д. 217-223).

Из показаний свидетеля К [REDACTED], общавшейся с Авдеевым в период 7-8 июля, также какой-либо неадекватности в его поведении не усматривается.

Оценивая психическое состояние Авдеева, комиссия экспертов учитывала наличие у него истерического расстройства, его заявления о наличии навязчивой идеи убить потерпевшего, об употреблении им алкоголя, наркотических средств и психотропных препаратов, в том числе до совершения преступления.

Компетентность экспертной комиссии в разрешении поставленных вопросов, в том числе в связи с отсутствием в ее составе специалиста нарколога, у суда сомнений не вызвала. Указанные доводы стороны защиты не ставят под сомнение обоснованность выводов экспертной комиссии.

Отвергнув версию об убийстве на почве неприязни под влиянием навязчивой идеи, суд апелляционной инстанции убедительно мотивировал корыстный мотив совершенных преступлений, поскольку по обстоятельствам дела перед совершением преступлений Авдеев, вернувшийся в Россию, испытывал нужду в средствах, не имел своего жилья, стабильного заработка, планировал уехать в Индию и заняться бизнесом. При этом ближайшей его целью было восстановление отношений с К [REDACTED], с которой он

встретился сразу после завладения денежными средствами. Преступления он совершил 7 июля накануне ее дня рождения 8 июля, что суд апелляционной инстанции обоснованно учел при оценке субъективной стороны совершенных преступлений. По показаниям К [] Авдеев стремился восстановить отношения, прекращенные в Индии по ее инициативе из-за систематического пьянства Авдеева, употребления им психотропных препаратов и его безденежья, а также ситуации с долгом Авдеева за жилье, который она вынуждена была погашать из заемных средств по причине его отъезда. Уже 7 июля (то есть в день убийства) Авдеев позвонил ей и предложил встретиться, пригласил ее в Москву. При встрече, согласно ее показаниям, он хорошо выглядел, был в новой одежде, имел деньги, подарил цветы, туалетную воду и пригласил в ресторан.

Доводы Авдеева об отсутствии связи между указанными событиями, не убедили в этом суд апелляционной инстанции.

В судебном заседании Авдеев, отвечая на вопросы государственного обвинителя, отрицал связь деяния совершенного 7 июля с предстоящим 8 июля днём рождения К [] а в прениях заявил, что это является простым совпадением.

Между тем нуждаемость в средствах, из-за отсутствия которых во многом произошел разрыв в отношениях Авдеева и К [], исходя из показаний последней, выступала фактором, препятствующим возобновлению их отношений, к чему Авдеев настойчиво стремился, и по показаниям свидетелей (А [], [] З [] К []) являлась причиной его переживаний. По показаниям А [], [] на следствии, которые исследованы в судебном заседании, Авдеев мечтал быстро заработать много денег, говорил, что собирается стать миллионером. (т.22 л.д. 195). Говоря о хроническом безденежье Авдеева свидетель К [] также отмечала его амбиции и мечты быстро разбогатеть (т.22 л.д. 239).

В связи с изложенным суд апелляционной инстанции обоснованно усомнился в достоверности доводов осужденного об отсутствии связи между указанными событиями.

Временные подработки, на которые ссылается Авдеев в своих доводах, и наличие у него доли в квартире, на его родине, в подтверждение чего защитником представлено свидетельство о праве собственности за 2006 год, не свидетельствуют об отсутствии его нуждаемости в жилье в регионе, который он

избрал для своего жительства и в стабильном заработке, который необходим, чтобы вести достойную жизнь.

Довод об аскетическом образе жизни в Индии, отказе от материальных благ, как духовном выборе Авдеева (о показаниях свидетеля З [] по данному вопросу) не имеет никакого значения для оценки его поведения в условиях России, где преобладают другие ценности, с чем Авдеев не мог не считаться, если хотел строить отношения с другими людьми, в частности с К [].

Учитывая совокупность установленных фактов, суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу о совершении Авдеевым убийства с умыслом на завладение им денежными средствами, которые могли находиться у С [], как настоятеля монастыря.

При этом суд апелляционной инстанции обоснованно сослался на тот факт, что о хранении отцом Д [], как настоятелем монастыря, принадлежащих этому учреждению денежных средств, было известно, о чем дали показания свидетели Р [] Л [] М []. Было известно об этом и Авдееву, который в период проживания в монастыре получал от игумена денежные суммы.

Доводы о том, что о наличии у С [] крупной денежной суммы свыше 1 миллиона рублей Авдеев не знал и считал монастырь бедным, а по делу не доказана осведомленность Авдеева о постоянном наличии крупных денежных сумм у настоятеля монастыря, не исключают вывод о корыстном мотиве преступления, поскольку для возникновения умысла на разбойное нападение не требовалась осведомленность Авдеева о конкретной сумме, которая находилась в распоряжении настоятеля, а достаточно было лишь предположения на этот счет. При этом если бы Авдеев не предполагал, что в келье могут находиться наличные денежные средства, то он бы не стал ее обыскивать. В связи с изложенным ссылка в кассационной жалобе адвоката на показания потерпевшей Ц [] свидетелей Ц [] К [] Н [] М [] Т [] У [] Р [] М [] З [] [] К [] не осведомленных о хранении С [] денежной суммы в размере свыше 1 миллиона рублей, не ставит под сомнение обоснованность апелляционного приговора.

Довод о том, что только после показаний Авдеева стало известно о совершенном хищении, не влияет на оценку его умысла, поскольку, давая показания, Авдеев не знал, что пропажа столь крупной денежной суммы осталась незамеченной.

О целенаправленном поведении Авдеева по завладению денежными средствами свидетельствуют его действия в момент совершения преступления и сразу после его окончания. При совершении преступления он не терял контроля над ситуацией. Как следует из его показаний, он своевременно среагировал на попытку С [] убежать, затем осмотрел жилище, нашел и забрал деньги, помнил о том, что нужно не оставлять следов своего пребывания на месте преступления, предпринял меры к их сокрытию, использовал перчатки, старался не дотрагиваться до предметов, забрал с места происшествия и выбросил нож, помылся, переоделся и выбросил одежду, уехал в другой город. Указанное поведение слабо согласуется с состоянием растерянности, в которое, по показаниям Авдеева, он впал после совершения убийства.

Утверждая об отсутствии заранее сформированного умысла на завладение денежными средствами, Авдеев указывал, что эта мысль возникла в связи с необходимостью иметь средства на дорогу, с тем чтобы скрыться с места преступления.

Между тем показания о причине поиска денег противоречат тому факту, что Авдеев забрал все деньги, которые смог найти, явно в объеме превышающем потребности в них по оплате проезда.

В связи с изложенным доводы кассационных жалоб о том, что умысел Авдеева был обусловлен исключительно неприязнью к убитому, принявшей гипертрофированный характер под влиянием психоактивных препаратов и алкоголя, Судебная коллегия считает неубедительными, а выводы суда апелляционной инстанции о корыстном мотиве преступления и заранее сформированном умысле на завладение денежными средствами обоснованными.

Вопреки доводам жалобы копия свидетельства о смерти брата Авдеева, заключения экспертов, на основании которых адвокат делает вывод, что Авдеев перемещал труп, не надев перчаток, а надел их только перед осмотром помещения кельи, значительный объем повреждений, установленный при исследовании трупа, не опровергает выводов суда о совершении преступления из корыстных побуждений и не свидетельствует о существенном нарушении уголовного закона.

Действия Авдеева правильно квалифицированы судом апелляционной инстанции, исходя из фактических обстоятельств дела.

Нарушений норм уголовно-процессуального закона, влекущих отмену апелляционного приговора, Судебная коллегия не усматривает.

Ознакомление с материалами дела на стадии предварительного следствия происходило как совместно, так и отдельно с защитником без ограничения во времени (т.1 л.д. 239). В такой ситуации Авдеев не был ограничен в возможности получить профессиональную консультацию от защитника по необходимым вопросам, истерическое расстройство, на которое ссылается адвокат в кассационной жалобе, как следует из экспертного заключения, не ограничивало возможностей Авдеева защищать себя.

Доводы о несовпадении времени вывода из камеры изолятора временного содержания Авдеева с временем, отраженным в графике ознакомления с делом, о несоответствии действительности (фальсификации) протоколов ознакомления с делом по окончании следствия, с постановлениями о назначении экспертиз и экспертными заключениями, в части присутствия при этих ознакомлениях защитника, Судебная коллегия не считает основанием для отмены либо изменения судебных решений, поскольку исходит из сведений, отраженных в процессуальных документах, проверенных в ходе судебного разбирательства, к числу которых, полученный после вынесения апелляционного приговора и представленный защитником ответ на адвокатский запрос ОВД города Переславль-Залесский от 18.06.2021 года не относится. В указанных протоколах имеется запись, выполненная осужденным, о том, что при проведении оспариваемых процессуальных действий защитник присутствовал, протоколы подписаны Авдеевым без замечаний по указанному вопросу. Судебная коллегия ставит под сомнение достоверность сведений, отраженных в ответе ОВД, который противоречит протоколам процессуальных действий, и не отражает всего необходимого объема сведений о том, каким образом осуществляется и регистрируется проход в здание отдела лиц, имеющих служебное удостоверение (адвоката, следователя), а также в случае посещения здания адвокатом совместно со следователем.

Доводы о том, что Авдееву были вручены аудиозаписи судебных заседаний, при отсутствии в следственном изоляторе технических средств для их прослушивания, Судебная коллегия с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела не расценивает как нарушение права на защиту, поскольку Авдеев после ознакомления с протоколом каких-либо замечаний на него не подавал, а звукозапись предназначена для подтверждения обоснованности замечаний на протокол при несогласии с ним участника процесса. При этом сам протокол судебного заседания не является стенограммой, а лишь должен

правильно отражать информацию, имеющую значение для принятия судебного решения и его проверки вышестоящим судом. В связи с этим аудиозапись ведется и выдается сторонам не для тотального поиска любых несоответствий между текстовой и звуковой версиями протокола, а лишь в целях подтверждения существенных ошибок в протоколе судебного заседания, которые лицо обнаружило при ознакомлении с ним.

Судебная коллегия при этом учитывает, что диски были также вручены защитнику, который имел возможность ознакомить с ними обвиняемого, а кроме того, самостоятельно, но действуя в интересах Авдеева и с его согласия, реализовал право оспорить протокол, подав на него замечания из 36 пунктов, которые все были удостоверены со ссылкой судьи на обоснованность замечаний, исходя из аудиозаписи судебного заседания. В судебном заседании суда апелляционной инстанции у Авдеева и его защитника выяснялся вопрос о готовности к участию в судебном заседании, о каких-либо препятствиях к этому ими не сообщено, никаких ходатайств, в том числе об ознакомлении с аудиозаписью, об отложении судебного разбирательства, осужденным и его защитником заявлено не было (т.321 л.д. 192).

Является необоснованным также довод об использовании судом апелляционной инстанции показаний свидетелей, которые не были допрошены.

Как следует из протокола судебного заседания в суде первой инстанции по ходатайству защитника были оглашены показания свидетелей М [REDACTED] (т.25 л.д. 87-91) и П [REDACTED] (т.21 л.д. 161-165). В связи с этим ссылка в апелляционном приговоре на показания свидетелей П [REDACTED] [REDACTED] и М [REDACTED] представляет собой явную опечатку, которая не свидетельствует о существенном нарушении уголовно-процессуального закона и основаниях для изменения приговора в кассационном порядке. Вопросы, связанные с устранением сомнений и неясностей в судебном акте, разрешаются в порядке, предусмотренном ст. 399, п.15 ст. 397 УПК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия не усматривает оснований для отмены либо изменения апелляционного приговора, считая доводы жалоб необоснованными.

Наказание Авдееву правильно назначено с учетом установленных судом апелляционной инстанции обстоятельств дела, требований ст.6, 60 УК РФ, является справедливым. Оснований для его смягчения Судебная коллегия не усматривает.

Руководствуясь ст. 401¹³ 401¹⁴ УПК РФ, Судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 года в отношении Авдеева Александра Викторовича оставить без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи